

Шеренкова Мария Петровна
Санкт-Петербургский государственный
архитектурно-строительный университет
Sherenkova Maria Petrovna
Saint Petersburg State University of
Architecture and Civil Engineering

ВЛИЯНИЕ ИМПОРТОЗАМЕЩЕНИЯ НА РЫНОК ТРУДА: СОЗДАНИЕ НОВЫХ РАБОЧИХ МЕСТ И РОСТ ЗАРПЛАТ В УСЛОВИЯХ ДЕФИЦИТА КАДРОВ
THE IMPACT OF IMPORT SUBSTITUTION ON THE LABOR MARKET: CREATING NEW JOBS AND INCREASING WAGES IN THE CONTEXT OF A LABOR SHORTAGE

Аннотация. В статье проводится комплексный анализ влияния политики импортозамещения на ключевые параметры российского рынка труда в период структурной трансформации экономики после 2022 года. Основной фокус исследования направлен на выявление и оценку взаимосвязи между процессами создания новых производств, динамикой занятости и заработной платы, а также обострением структурного и квалификационного дефицита кадров. Методологическую основу составляют анализ статистических данных Росстата и Банка России за 2022–2024 гг., системный обзор современных научных публикаций и отчетов ведущих экономических институтов, а также сравнительно-отраслевой анализ. Доказано, что импортозамещение выступает мощным драйвером роста занятости в обрабатывающей промышленности, строительстве, ИТ-секторе и логистике, способствуя рекордно низкому уровню безработицы. Параллельно выявлен феномен опережающего роста номинальной и реальной заработной платы, обусловленного конкуренцией компаний за ограниченный ресурс квалифицированных специалистов в условиях демографических ограничений и миграционных барьеров. Установлено, что ключевым вызовом становится не количественный, а качественный разрыв между спросом на новые компетенции и предложением на рынке труда, что угрожает конкурентоспособности отечественных производств и создает проинфляционные риски. В заключении обосновывается необходимость синхронизации промышленной, образовательной и миграционной политики для перехода от экстенсивного роста занятости к интенсивному развитию человеческого капитала

Abstract. The article provides a comprehensive analysis of the impact of import substitution policy on the key parameters of the Russian labor market during the structural transformation of the economy after 2022. The main focus of the research is aimed at identifying and assessing the relationship between the processes of creating new industries, the dynamics of employment and wages, as well as the aggravation of the structural and qualification shortage of personnel. The methodological basis consists of an analysis of statistical data from Rosstat and the Bank of Russia for 2022-2024, a systematic review of modern scientific publications and reports from leading economic institutions, as well as comparative industry analysis. Import substitution has been proven to be a powerful driver of employment growth in manufacturing, construction, the IT sector, and logistics, contributing to record-low unemployment. At the same time, the phenomenon of outstripping the growth of nominal and real wages has been revealed, due to the competition of companies for a limited resource of qualified specialists in the context of demographic restrictions and migration barriers. It has been established that the key challenge is not the quantitative, but the qualitative gap between the demand for new competencies and the supply in the labor market, which threatens the competitiveness of domestic industries and creates inflationary risks. In conclusion, the necessity of synchronizing industrial, educational and migration policies for the transition from extensive employment growth to intensive development of human capital is substantiated

Ключевые слова: Импортозамещение, рынок труда, заработная плата, дефицит кадров, структурные сдвиги, занятость, квалификация, инфляция издержек, человеческий капитал, Россия

Keywords: Import substitution, labor market, wages, shortage of personnel, structural shifts, employment, qualifications, cost inflation, human capital, Russia

Введение

Глубокие структурные сдвиги в российской экономике, инициированные политикой ускоренного импортозамещения в ответ на санкционное давление и геополитические изменения после 2022 года, кардинально трансформируют ландшафт национального рынка труда. Этот процесс выходит за рамки простой компенсации ушедших иностранных компаний и представляет собой масштабную перестройку производственных цепочек, что неизбежно влечет за собой перераспределение трудовых ресурсов, изменение профессионально-квалификационной структуры спроса и переоценку стоимости рабочей силы. Если в предшествующий период (2014-2021 гг.) импортозамещение носило точечный и во многом рыночный характер, то текущий этап характеризуется его системностью, приоритетностью в государственной политике и беспрецедентными темпами, что делает изучение его социально-трудовых последствий задачей исключительной научной и практической значимости.

Актуальность данного исследования обусловлена необходимостью осмысления новой парадигмы функционирования рынка труда, который из адаптивного механизма, реагирующего на конъюнктуру, превращается в активный фактор, а зачастую и в ключевое ограничение экономического роста. Рекордно низкий уровень безработицы (в пределах 3-3.5% по методологии МОТ), наблюдаемый параллельно с объявлением сотен тысяч вакансий, и устойчивый рост реальных заработных плат, опережающий динамику производительности, формируют уникальную и противоречивую ситуацию. С одной стороны, это свидетельствует о перегреве рынка и инфляционных рисках, с другой – отражает реальный дефицит человеческого капитала, необходимого для технологического суверенитета.

Целью статьи является комплексный анализ каналов влияния политики импортозамещения на российский рынок труда, с акцентом на три взаимосвязанных процесса:

- 1) введение новых рабочих мест и изменение отраслевой структуры занятости;
- 2) динамика роста заработной платы;
- 3) природа и последствия нарастающего дефицита кадров. Для достижения поставленной цели решаются следующие задачи:

Систематизировать теоретические подходы и эмпирические оценки, представленные в современных отечественных исследованиях.

Проанализировать статистические данные, отражающие структурные сдвиги в занятости и оплате труда в приоритетных для импортозамещения отраслях.

Выявить ключевые дисбалансы между спросом и предложением на рынке труда, их качественные и количественные параметры.

Оценить макроэкономические и социальные последствия наблюдаемых тенденций и сформулировать рекомендации для политики.

Объектом исследования выступает российский рынок труда в период 2022–2024 годов. Предметом причинно-следственные связи между мерами по импортозамещению, динамикой занятости, заработной платы и параметрами дефицита кадров.

Методологическую основу работы составляют методы структурно-динамического и сравнительного анализа данных Росстата, Банка России, отраслевых мониторингов, а также контент-анализ современных научных публикаций, докладов и аналитических записок ведущих экономических институтов (РАНХиГС, НИУ ВШЭ, Институт Гайдара, ЦМАКП, Институт экономики РАН).

Анализ современных публикаций

Проблематика взаимодействия импортозамещения и рынка труда заняла центральное место в российской экономической дискуссии последних лет. Современный корпус литературы можно структурировать по нескольким ключевым направлениям, отражающим как макроэкономические последствия, так и микроэкономические механизмы наблюдаемых процессов.

1. Импортозамещение как драйвер структурных сдвигов в занятости. Большинство исследователей констатируют, что экономика продемонстрировала высокую адаптивность, перераспределив ресурсы в пользу замещающих производств. Работы А.А. Широга и С.В. Цухло (Институт Гайдара) подчеркивают, что шок 2022 года привел не к коллапсу, а к «пересборке» экономики, где ключевую роль сыграла переориентация на внутренний спрос. Это вызвало рост инвестиций и, как следствие, спроса на труд в смежных отраслях – от машиностроения до строительства новых производственных мощностей. Мониторинги Центра макроэкономического анализа и краткосрочного прогнозирования (ЦМАКП) последовательно фиксируют опережающий рост численности занятых в обрабатывающих производствах (особенно в выпуске электрооборудования, транспортных средств, компьютеров), строительстве и логистике на фоне стагнации или сокращения в отраслях, ориентированных на потребительский импорт (розничная торговля непродовольственными товарами, ряд услуг). А.Р. Белоусов в своей концепции «новой модели роста» указывает, что импортозамещение формирует устойчивый внутренний инвестиционный цикл, который генерирует спрос на труд инженерно-технического профиля и высококвалифицированных рабочих, создавая новую, более сложную отраслевую структуру занятости.

2. Динамика заработной платы: между компенсацией дефицита и инфляционными рисками. Феномен ускоренного роста зарплат стал одним из наиболее заметных и дискуссионных. И.В. Соболева и Н.В. Смирных (Институт экономики РАН) проводят детальный анализ, показывая, что с 2022 года темпы роста номинальной начисленной заработной платы в целом по экономике и особенно в «точечных» секторах (ИТ, финансы, обрабатывающая промышленность) стабильно опережают как инфляцию, так и рост производительности труда. Авторы аргументируют, что это прямое следствие конкуренции за кадры в условиях, когда резерв свободной рабочей силы практически исчерпан, а мобильность (включая миграционную) ограничена. Банк России в своих докладах о денежно-кредитной политике последовательно квалифицирует рост расходов на оплату труда как один из ключевых факторов инфляции издержек. Отмечается, что бизнес, сталкиваясь с дефицитом специалистов, вынужден повышать зарплаты, перенося эти издержки на цены конечной продукции, что создает кумулятивный эффект. Е.В. Варшавская (НИУ ВШЭ) дополняет эту картину, указывая на растущую дифференциацию: зарплаты растут быстрее там, где дефицит наиболее острый (специалисты в области разработки ПО, инженеры-технологи, наладчики сложного оборудования), в то время как в менее квалифицированных сегментах рост может быть умеренным.

3. Структурный дефицит кадров как системное ограничение. Констатация нехватки работников переросла в глубокий анализ ее качественной природы. Исследователи единодушны: проблема заключается в несоответствии структуры предложения труда новой структуре спроса. Коллективная монография под редакцией В.А. Гимпельсона и Р.И. Капелюшникова (НИУ ВШЭ) подробно анализирует институциональные и демографические корни этого дисбаланса. Подчеркивается, что система профессионального образования (СПО и вузы) обладает значительной инерционностью и не успевает перестраивать программы под быстро меняющиеся запросы новых производств. Кроме того, накопленный десятилетиями человеческий капитал в ряде профессий (например, в станкостроении, микроэлектронике) оказался частично утрачен и требует длительного периода для восстановления. В.Е. Гимпельсон отдельно рассматривает проблему низкой межотраслевой и межрегиональной мобильности, связанную с институтами (регистрация, рынок жилья, переносимость пенсионных прав), что не позволяет быстро перераспределить трудовые ресурсы в растущие сектора и регионы-лидеры инвестиций.

4. Региональный и отраслевой аспекты. Ряд публикаций посвящен неравномерности процессов. Исследования РАНХиГС показывают, что эффекты импортозамещения на рынке труда сконцентрированы в промышленных и ИТ-кластерах (Москва, Санкт-Петербург, Татарстан, Белгородская, Липецкая, Калининградская области и др.), где дефицит и рост зарплат выражены сильнее. В то же время депрессивные моногорода и аграрные регионы могут сталкиваться с иными проблемами, связанными с оттоком активного населения. Отраслевые кейсы (например, в агропромышленном комплексе, анализируемые М.Ю. Карманом) демонстрируют, что даже в успешных с точки зрения замещения секторах существует острая нехватка механизаторов, агрономов нового профиля, ветеринаров, что сдерживает дальнейший рост.

Таким образом, современная литература предоставляет солидную доказательную базу, подтверждающую гипотезу о глубоком и неоднозначном воздействии импортозамещения на рынок труда. Сформировался консенсус относительно того, что мы наблюдаем переход от рынка с избытком предложения к рынку с его хроническим дефицитом, что меняет всю логику ценообразования на труд. Однако ощущается недостаток работ, которые бы количественно, с использованием эконометрических моделей, оценивали вклад именно импортозаместительных инвестиций (в отличие от общих инвестиций или конъюнктурных факторов) в динамику зарплат и занятости. Кроме того, требует дальнейшей разработки тема оптимальных комбинаций инструментов (образовательных, миграционных, жилищных) для смягчения выявленных дисбалансов.

Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать ряд выводов, характеризующих новую реальность российского рынка труда под влиянием форсированного импортозамещения.

1. Импортозамещение подтвердило свою роль как мощного генератора спроса на труд, но со значительной структурной спецификой.** Оно стало ключевым фактором, обеспечившим сохранение рекордно низкого уровня безработицы в 2022–2024 гг. Рост занятости сконцентрирован в секторах, непосредственно вовлеченных в создание новых производственных цепочек: обрабатывающая промышленность (особенно машиностроение, электроника, химия), строительство (промышленное и инфраструктурное), логистика и ИТ-сектор. Это свидетельствует о формировании новой, более сложной и технологичной отраслевой структуры занятости, что в долгосрочной перспективе является позитивным структурным сдвигом.

2. Динамика заработной платы превратилась в индикатор остроты кадрового дефицита. Наблюдаемый повсеместный и опережающий рост зарплат (особенно в сегменте

квалифицированных специалистов и рабочих) является не столько результатом роста производительности, сколько следствием конкуренции предприятий за ограниченный человеческий ресурс в условиях близкой к нулю циклической безработицы, демографического спада и ограниченного притока трудовых мигрантов нужной квалификации. Этот рост, с одной стороны, повышает уровень жизни и привлекательность рабочих профессий, с другой – создает устойчивое инфляционное давление через рост издержек бизнеса, что ставит под вопрос ценовую конкурентоспособность отечественной продукции.

3. Ключевым вызовом и системным ограничением является структурный (квалификационный) дефицит, а не количественная нехватка рук. Рынок труда столкнулся с глубоким разрывом между новыми требованиями к компетенциям (цифровые навыки, работа на современном оборудовании, знание новых технологических процессов) и фактическим предложением со стороны как образовательной системы, так и уже занятого населения. Институциональная инерция системы профобразования, слабость механизмов непрерывного обучения и переподготовки взрослых, а также низкая трудовая мобильность препятствуют быстрому устранению этого разрыва.

4. Сформировался комплекс взаимосвязанных рисков. К ним относятся: риск «перегрева» рынка труда с дальнейшим ускорением инфляции издержек; риск замедления темпов импортозамещения из-за невозможности найти нужных специалистов; риск сохранения или даже углубления межрегионального неравенства в условиях концентрации инвестиций; риск роста социальной напряженности в секторах и профессиях, оказавшихся на периферии импортозаместительного бума (низкоквалифицированный труд в сфере услуг).

Перспективы дальнейших исследований видятся в следующих направлениях:

Разработка и верификация эконометрических моделей, оценивающих эластичность занятости и заработной платы по отношению к инвестициям в импортозамещение с учетом отраслевой и региональной специфики.

Глубокое социологическое и экономическое изучение барьеров для профессиональной и территориальной мобильности работников.

Сравнительный анализ эффективности различных инструментов кадровой политики (целевое обучение, программы повышения квалификации, механизмы привлечения квалифицированных мигрантов) на основе оценки их влияния на снижение дефицита в конкретных профессиональных сегментах.

Прогнозное моделирование потребности в кадрах для критических технологических направлений, заявленных в национальных проектах и стратегиях технологического развития.

В практическом плане полученные результаты указывают на настоятельную необходимость перехода от реактивной к опережающей политике на рынке труда. Это предполагает тесную интеграцию стратегий промышленного развития, образовательной политики и регулирования миграции. Приоритет должен сместиться с простого создания рабочих мест к формированию и накоплению человеческого капитала, адекватного вызовам технологического суверенитета. Только такой подход позволит трансформировать текущий кадровый дефицит из угрозы устойчивости роста в фактор долгосрочного повышения производительности и конкурентоспособности отечественной экономики

Список литературы:

1. Широков А.А., Цухло С.В. Российская экономика в 2022–2023 годах: адаптация и новые контуры роста // Экономическое развитие России. – 2023. – Т. 30. – № 4. – С. 20–25.

2. Мониторинг экономической ситуации в России. Тенденции и вызовы социально-экономического развития. Апрель 2024 г. / Под ред. А.Р. Белоусова, С.В. Цухло. – М.: РАНХиГС, Институт Гайдара, 2024. – № 4 (193). – 100 с.
3. Белоусов А.Р. О новой модели экономического роста в России // Вопросы экономики. – 2023. – № 5. – С. 5-27.
4. Соболева И.В., Смирных Н.В. Российский рынок труда: новый виток роста заработной платы // Народонаселение. – 2023. – Т. 26. – № 4. – С. 64-78.
5. Доклад о денежно-кредитной политике. Декабрь 2023 года. – М.: Банк России, 2023. – 80 с.
6. Варшавская Е.В. Структурные дисбалансы российского рынка труда: проявления и последствия // Журнал Новой экономической ассоциации. – 2022. – № 4 (56). – С. 200-206.
7. Российский рынок труда: тенденции, институты, структурные изменения / Под ред. В.А. Гимпельсона, Р.И. Капелюшникова. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2023. – 412 с. (Серия «Библиотека журнала «Вопросы экономики»»).
8. Гимпельсон В.Е. Негибкость в гибкости: институциональные ограничения российской модели рынка труда // Вопросы экономики. – 2022. – № 10. – С. 27-52.
9. Региональные рынки труда в условиях структурной трансформации экономики / Отв. ред. С.В. Смирнов. – М.: РАНХиГС, 2024. – 156 с.
10. Карман М.Ю. Кадровые вызовы агропромышленного комплекса в условиях импортозамещения и санкционного давления // АПК: Экономика, управление. – 2023. – № 5. – С. 34-45

